

15. Anusiewicz J. Kulturowa teoria języka. Zarys problematyki / J. Anusiewicz // Język a kultura / pod red. J. Anusiewicza i J. Bartmieskiego. – Wrocław, 1988. – T. I. – S. 21–47.
16. Tokarski R. Siownictwo jako interpretacja świata / R. Tokarski // Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. – Wrocław, 1993. – T. 2. – S. 335–362.

Скрышник Н.И., канд.филол.наук, преподаватель
ВГПК, Винница

СВЯЗЬ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются разные трактовки связи языка и мышления с целью обозначения пунктов, необходимых для когнитивного анализа. Автор определяет основные положения и методологические основы когнитивного подхода к изучению языковых явлений.

Ключевые слова: язык, мышление, этнолингвистика, языковая картина мира, когнитивная лингвистика, концептуальный анализ, концептуальная (научовая) картина мира, национальная (этническая) языкововая картина мира.

Scripnick N.I., candidate of philological science, lecturer
Vinnytsia pedagogical teachers' training college, Vinnytsia, Ukraine

THE RELATIONSHIP OF LANGUAGE AND THOUGHT IN THE LINGUISTIC ASPECT

Different interpretations of the connection between language and thinking for the purpose of determination of cognitive analysis necessary points have been considered in the article. The author also defines the main regulations and methodological groundings for the cognitive approach to linguistic phenomena study.

Key words: Cognitive Linguistics, language, thinking, Ethnolinguistics, lingual world's picture, conceptual analysis, conceptual (scientific) world picture, national (ethnic) lingual world picture.

УДК 882.09-1

Чикарькова М.Ю., д. филос. н.
Черновцы

ПРОФЕТИЧЕСКАЯ ТЕМА У АХМАТОВОЙ

В статье рассмотрена интерпретация темы пророка в поэзии А. Ахматовой, выявлены мифолого-литературные и субъективно-биографические корни этой темы, неразрывная связь с темой любви, репрезентативность ее для русского поэтического контекста.

Ключевые слова: любовная лирика, профетическая тема, трагедийность, катарсис.

© Чикарькова М.Ю., 2016

Тема пророка в литературе далеко не нова (один из хрестоматийных примеров в русской литературе – «Пророк» Пушкина), однако у каждого поэта она получает свое, присущее лишь ему решение. Вполне объяснимо и то, что соответствующая тема спорадически возникала и в литературоведческих исследованиях, посвященных Ахматовой, ибо она, конечно же, также не обходит ее молчанием. Так, Т. Цивьян отмечает часто появляющийся у поэта «мотив Кассандры», равно как и трагичность судьбы русского поэта [10]. Образ «пророчицы древнерусского Китежа» видит в «Китежанке» А. Муравьев [7]. А. Ранчин рассматривает известнейшее стихотворение Ахматовой «Творчество» как вариацию на тему пушкинского «Пророка» [8]. О. Богданович также фиксирует образ поэта-пророка в ее поэзии, хотя не вполне понятным остается следующее высказывание исследовательницы: «героиня ощущает себя владеющей непомерной силой – вешим словом творчества, которое порой противоречит самой жизни» [4, с. 16]. Впрочем, ни в одном из указанных исследований пророческая тема не выступает на первый план, а лишь бегло отмечается как составная ситуации использования поэтом античных образов, погружения в сакральные сферы, попытка найти истоки креативности и т.п. Попробуем разобраться, в чем же заключается специфика воплощения Ахматовой пророческой темы.

Прежде всего, наверное, необходимо отметить, что для Ахматовой пророчество было не поэтической вольностью, а недвусмысленной частью ее реальной жизни. Ахматова действительно могла предвидеть события, угадать судьбу человека и т. д. – тому сохранилось значительное число мемуарных свидетельств. Впрочем, это не помогло ей избежать собственного предначертания, а, возможно, сделало ее судьбу еще более трагичной. Что может быть страшнее: предвидеть – и не пытаться избежать, смириться с неизбежным. И тема христианского смирения, принятия всего, что дарует Бог, – также ключевая для поэта.

Особенностью ахматовского раскрытия пророческой темы является то, что ее лирическая героиня является в прямом смысле слова пророчицей, и пророчит она не о радостях, ждущих впереди, а о горестях и бедах, поэтому один из многочисленных обликов героини ее стихов – облик Кассандры. Конечно, зная трудный жизненный путь поэта (она сама говорила о своей жизни: «Судьба ничем не обошла меня. Все, что может человек испытать, все выпало на мою долю» [1, с. 77]), неудивительно, что из всего арсенала мировой культуры Ахматова выбирает именно этот образ. С Кассандрой соотносима не только лирическая героиня, но и сам автор. И. Берлин, например, отмечал, что в сознании Ахматовой сложился как бы трагический автопортрет в виде Кассандры, который очень верно «отражает ее поэзию» [3, с. 154]. Стихотворение О. Мандельштама, посвященное Ахматовой, названо «Кассандре» [6, с. 118–119] тоже, видимо, не случайно. Да и сама Анна Горенко, будучи еще гимназисткой, писала в 1907 г.: «...помните вешую Кассандру Шиллера? Я одной гранью души примыкаю к темному образу этой великой в своем страдании пророчицы» [9, с. 321]. Интересно отметить, что мотив Кассандры присутствует уже в первом ее поэтическом сборнике, хотя в те годы все несчастья и беды были еще впереди. И остается теперь только гадать: то ли Ахматова действительно предвидела те сложные перипетии своей жизни, через которые ей предстояло пройти, то ли она своими горькими пророчествами сама «накликала» будущие беды и несчастья.

Обе догадки могут оказаться правомерными, тем более – то, что Ахматова обрела неким ясновидением, даром предсказывать будущее, отмечалось и ею самой,

и многими людьми, знавшими ее. Сама она рассказывала, что открыла в себе дар «вешуньи-прорицательницы» в шестнадцать лет, услышав, как ее родственницы судачат о молодой удачливой соседке, она произнесла: «Если она не умрет шестнадцати лет от чахотки в Ницце». Так и случилось» [5, с. 499].

Несмотря на то, что в 1911 году Ахматова была еще очень молода, будущее ей вовсе не кажется безоблачным и безмятежным ожиданием счастья (что было бы естественно для юности), напротив, она преисполнена тяжелыми, гнетущими предчувствиями. Стихи ее полны горьких предсказаний. В 1911 году написано стихотворение «Под навесом темной риги жарко...» [2, с. 36], которое примечательно не только тем, что едва ли не впервые открывает нам дар, коим обладала героиня стихов Ахматовой – дар видеть будущее, но и явственно просматриваемой биографической основой. Лирическая героиня, несомненно, соотнесена с самим автором, а в ее «друге» явно угадывается Гумилев: «Он всю жизнь свою шагами мерил // Длинные и скучные дороги» [2, с. 36]:

И звенит, звенит мой голос ломкий,
Звонкий голос не узнавших счастья:
«Ах, пусты дорожные котомки,
А на завтра голод и ненастье!» [2, с. 36].

Уже сейчас, в молодости, когда надлежало бы петь и радоваться жизни, ее «покой навеки взят // Предчувствием беды» [2, с. 45]. Ощущение грядущих катастроф будет сопровождать поэта на протяжении всего творческого пути:

Я гибель накликала милым,
И гибли один за другим.
О, горе мне! Эти могилы
Предсказаны словом моим [2, с. 163].

Обратим внимание на дату написания стихотворения: 1921-й год – год расстрела Гумилева, поэтический двойник которого десять лет назад, стремясь остановить те непоправимые слова, что все же сорвались с уст героини, говори: «Не каркай! Мы ль не встретим на пути удачу!» [2, с. 36]. Но в этом стихотворении речь идет уже не только о нем, но и о тех, кому еще лишь суждено было стать ее возлюбленными. И пророческие строки не замедлили сбыться: в 1930 г. умирает В. Шилейко, а в 1953 г. в лагере под Воркутой умирает Н. Пунин.

Приведенные выше примеры показывают, что тема пророчества часто соседствует у Ахматовой с любовной темой. Поскольку сама любовь представлялась ей далеко не сплошной радостью, то и пророчества ее не радостны. Более того, за возможность видеть будущее героине приходится платить отказом от любви:

Нет, царевич, я не та,
Кем меня ты видеть хочешь.
И давно мои уста
Не целуют, а пророчат.

Не подумай, что в бреду
И замучена тоскою

Громко кличу я беду:
Ремесло мое такое [2, с. 114].

Хотя героиня этого стихотворения непосредственно Кассандрой не названа, соответствующие ассоциации вполне очевидны (вплоть до указания на «ремесло»). И нам кажется, что вряд ли правомерно говорить тут об образе «гадалки-ворожеи», как это делает О. Богданович [4, с. 16]. При всем внешнем сходстве – пророчица и гадалка образы все же разновекторные.

В дальнейшем творчестве образ Кассандры будет незримо присутствовать во многих стихотворениях. Иногда Ахматова словно специально акцентирует внимание на своем даре вещуньи: «Что!.. Это призрак приходил, // Как предсказала я полвека // Тому назад» [2, с. 385]. Иногда же героиня ее стихотворений обладает способностями даже большими, нежели профетические: она «наделяет бедами», словно мойры, что ткнут нить человеческих судеб, но, в отличие от мойр, вплетающих и серые, и черные, и веселые, радостные тона в нити жизни, героиня ахматовского стихотворения то ли пророчит, то ли творит судьбу глубоко несчастную:

Услаждала бредами,
Пением могил.
Наделяла бедами
Свыше всяких сил [2, с. 244].

В 1924 г. Ахматова создает стихотворение «Предсказание», которое оказалось прощеским в ее судьбе и, напоминая о судьбе Иисуса, по своей трагической тональности могло бы стать частью «Реквиема»:

Видел я тот венец златокованный...
Не завидуй такому венцу!
Оттого, что и сам он ворованный,
И тебе он совсем не к лицу.
Туго согнутой веткой терновой
Мой венец на тебе заблестит.
Ничего, что рососою багровою
Он изнеженный лоб освежит [2, с. 137].

Характерно, что трагические пророчества Ахматовой касаются прежде всего ее собственной судьбы и тех людей, которые так или иначе с ней связаны – их она «наделяет бедами», но в то же время пытается «оберечь» от себя. Что же касается других – «чужих», то на них героиня, напротив, может «кликать благодать»:

Скучно мне оберегать
От себя людей,
Скучно кликать благодать
На чужих людей [2, с. 355].

Уместно вспомнить здесь и героиню поэму «У самого моря», которую хозяйки новых хуторов звали зайти в дом, ибо «Все говорят – ты приносишь счастье» [2, с. 271],

но опять-таки это счастье – для других, «завзвать» счастье в собственную судьбу героиня поэмы не смогла.

В 30-е годы Ахматова, несколько лукавая с читателем, пишет четверостишие, которое на первый взгляд опровергает ее провидческий дар:

И вовсе я не пророчица,
Жизнь моя светла, как ручей,
А просто мне петь не хочется
Под звон тюремных ключей [2, с. 355],

но при более внимательном чтении становится ясна авторская ирония: пробуя убедить читателя, что 30-е годы – страшные не только для всей страны, но и лично для Ахматовой, были «светлыми», поэт таким образом словно задает некий «обратный» шифр. Этот шифр применим и к первой строке о «пророчице», которая приобретает тогда прямо противоположное значение. Тем более, что когда в другом ахматовском произведении – «Поэме без героя» – заходит речь о 30-х годах, именно тут напрямую произносится слово «Кассандра» (единственный раз в ее поэзии!). Любопытно, что в данном отрывке античный персонаж, так часто только угадывающийся, открыто назван по имени, и он выступает в не совсем том традиционном значении, какое приобрел образ Кассандры в мировой культуре:

Посинелые стиснув губы,
Обезумевшие Гекубы
И Кассандры из Чухломы,
Загремим мы безмолвным хором,
Мы, увенчанные позором:
«По ту сторону ада мы...» [2, с. 301].

Рядом с упоминанием Кассандры возникает другой образ античных мифов – матери Кассандры, Гекубы. Сопоставление современниц, которые, как и сама Ахматова, «растили детей для плахи, // Для застенка и для тюрьмы» [2, с. 301], с Гекубой – матерью, пережившей всех своих сыновей, погибших во время Троянской войны, и женой, на глазах которой был убит муж, вполне понятно. Кассандра же выступает тут не в той привычной функции, которую она выполняла в греческих мифах – она не пророчит несчастья, а предстает воплощением убитой горем женщины (что, впрочем, не идет вразрез и с традиционным значением этого образа). Таким образом, эти два имени – Гекуба и Кассандра – оказываются связанными у Ахматовой не только родственными узами, но и общей семантической окраской. Возможно, подобная модификация образа Кассандры – женщины, не столько пророчашей, сколь переживающей несчастья, – объяснялась тем, что пророческий дар – удел избранных, Ахматова же пыталась найти обобщающий образ для всех женщин, переносящих неисчислимы страдания. Заметим также, что – это не редкость у Ахматовой – она постоянно подчеркивает связь античного мифа с жизненными реалиями своего времени [11]. Ее Кассандры живут не в Трое, не в языческом Аиде или Тартаре, а в Чухломе; их путь пролегает через реальный ад сатанинской русской действительности XX века, а их страдания оказываются несоизмеримы даже со страданиями грешников в этом аду, и поэтому они находятся уже «по ту сторону ада».

Таким образом, как мы видим, профетизм как духовно-эстетический феномен проявляется в мире Ахматовой сразу на двух уровнях – и в ее реальной жизни, и в поэтическом измерении. Квинтэссенцией профетической темы здесь выступает образ Кассандры, который стабильно фигурирует в ее стихах. Причем этому античному образу поэт сумел подарить новую жизнь, соединяя традиционные античные черты с новыми, подчас налагая его на реалии русской действительности XX века. Не совсем обычно, что профетизм лирической героини Ахматовой связан с радостными вестями для других и горем для самой себя и своих близких. Впрочем, трагичность судьбы русского поэта, увы, уже давно также стала одной из классических тем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Адамович Г. Мои встречи с Анной Ахматовой / Георгий Адамович // Воспоминания об Анне Ахматовой. – М. : Сов. писатель, 1991. – С. 65–77.
2. Ахматова А. Сочинения: В 2 т. / Анна Ахматова. – М. : Худ. лит., 1990. – Т. 1. – 526 с.
3. Берлин И. Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 годах / Исайя Берлин // Звезда. – 1990. – № 2. – С. 129–158.
4. Богданович О. В. Эволюция темы творчества в русской лирике первой трети XX века (В. Я. Брюсов, А. А. Ахматова, Б. Л. Пастернак): Автореф. на соиск. уч. степ. канд. филол. н.: 10.01.01 – Русская литература / Ольга Викторовна Богданович. – Магнитогорск, 2008. – 21 с.
5. Иванов В. И. Беседы с Анной Ахматовой / В. И. Иванов // Воспоминания об Анне Ахматовой. – М. : Сов. писатель, 1991. – С. 473–503.
6. Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. / Осип Мандельштам. – М. : Худ. лит., 1990. – Т. 1. – 638 с.
7. Муравьев А. «Стрелецкая женка» Анна Ахматова и смысл её восхождения к страданию / Алексей Муравьев // Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=comment&id=1599>. – Загол. с экрана.
8. Ранчин А. М. Прозябшая роза – прорастающая трава – трава умирающая: эволюция пушкинского образа в русской поэзии / А. М. Ранчин // Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/40832.php?PRINT=Y>. – Загол. с экрана.
9. Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие / Аманда Хейт; [пер. с англ.]. – М. : Радуга, 1991. – 383 с.
10. Цивьян Т. В. Кассандра, Дидона, Федра. Античные героини – зеркала Ахматовой / Татьяна Владимировна Цивьян // Литературное обозрение. – 1989. – № 5. – С. 29–34.
11. Шулык П., Чикарькова М. Античные реминисценции в лирике А. Ахматовой / Полина Шулык, Мария Чикарькова // Збірник наукових праць Кам'янець-Подільського державного педагогічного університету. Серія філологічна. Вип. 2. – Кам'янець-Подільський, 1998. – С. 197–199.

Чикарькова М.Ю., д. філос. н.
Чернівці

ПРОФЕТИЧНА ТЕМА У АХМАТОВОЇ

У статті розглянута інтерпретація теми пророка в поезії А. Ахматової, виявлено міфолого-літературне та суб'єктивно-біографічне коріння цієї теми, нерозривний зв'язок з темою любові, репрезентативність її для російського поетичного контексту.

Ключові слова: любовна лірика, профетична тема, трагедійність, катарсис.

Chikarkova M.Yu., doctor of Philosophy
Chernivtsi

PROPHETIC THEME IN THE POETRY BY AKHMATOVA

This article explores the prophetic theme in the poetry by Anna Akhmatova. Mythological-literary and subjective biographical roots of this theme which are inextricably linked to the theme of love are revealed proving their essential connection for the Russian poetic contexts.

Key words: love lyrics, prophetic theme, tragic character, catharsis.

УДК 111. 852

Сидоренко Л., ст. викл.

Національний технічний університет
України «КПІ», Київ

ІРОНІЯ ТА ЇЇ МІСЦЕ В ІДЕЙНО-ЕМОЦІЙНІЙ ОЦІНЦІ ДІЙСНОСТІ ЯВИЩ

У статті розглядається місце і роль іронії в генезі форм людського буття, аналізується розвиток іронії від античності до сучасності, досліджуються засоби творення іронії та фундаментальні ознаки іронічного дискурсу

Ключові слова: естетичні принципи, антична іронія, культура, символізм, поезія, романтизм, емоційна оцінка, міфотворчість.

Найважливішим елементом естетичної свідомості є художнє та естетичне сприйняття світу. Від того, як проявляється здатність людини виокремлювати різні явища та процеси, формуються ідеали і смаки людини. Одним з найпродуктивніших стилістично-художніх способів сприйняття дійсності є іронія.

Іронія за своєю природою є видом пафосу і використовується на всіх стилістичних рівнях – і в мовній характеристиці, і в окремих деталях, і на сюжетно-фабульному рівні, і в структурі образу персонажа. Як унікальний засіб зображення іронія посідає особливе місце у творчості багатьох письменників

Аналіз іронії, як філософського поняття, дає змогу органічно поєднати філософський матеріал з новим теоретичним доробком сучасної вітчизняної й західноєвропейської

© Сидоренко Л., 2016